

Но вспомнив свои недавние хвастливые слова и реальность, где он уколол пальцы неизвестно сколько раз, он отдернул руку и, покраснев от злости, сказал:

— Я просто хотел попрактиковаться, разве это плохо?

Мин Е покачал головой:

— Плохо.

— Если ваше высочество действительно хочет что-то делать, лучше сосредоточьтесь на учебе.

Он, полуприкрыв глаза, равнодушно добавил:

— Как человек, который помогает вашему высочеству с уроками, я с радостью дам вам больше заданий.

Жун Цзянь:

— ?

Что ты говоришь? Ты вообще слышишь, какие крамольные слова произносишь?

Почему весь мир так настойчиво уговаривает меня учиться?

Мин Е поднял глаза, с улыбкой в уголках губ:

— Что думает ваше высочество?

Жун Цзянь скрежетал зубами и поклялся, что в этой жизни, нет, в следующей, он больше никогда не возьмет в руки иголку и нитку!

На следующий день Жун Цзянь встал рано, как обычно, он должен был отправиться в Покои Янфу на учебу, но, только закончив утренние процедуры, услышал, как маленький евнух сообщил, что господин Сюй ждет у ворот дворца, сказав, что хочет сдать экзамены и получить ученую степень, и, находясь в столице, получил разрешение вдовствующей императрицы стать учеником Покоев Янфу.

Жун Цзянь, глядя в зеркало, был почти в полусне, и сначала не понял, что происходит, но, когда евнух повторил, внезапно очнулся.

Сюй Яо тоже хотел попасть в Покои Янфу, точнее, чтобы создать видимость.

Жун Цзянь задумался на мгновение, выбрал из шкатулки шпильку и сказал тетушке Чжоу:

— Пошли кого-нибудь в Покои Янфу, скажи, что я еще не полностью выздоровел, часто чувствую головокружение и смогу вернуться к учебе только через несколько дней.

До этого, хотя учеба давалась ему с огромным трудом, Жун Цзянь никогда не пропускал занятия без уважительной причины.

Покои Янфу, хотя и были местом, где было много глаз и ушей, но большинство учителей были людьми высокой морали и глубоких знаний, строго контролируя еще несовершеннолетних учеников. Когда Жун Цзянь учился там, он испытывал только муки от учебы, как будто находился в башне из слоновой кости, и временно забывал о дворцовых делах.

Но Сюй Яо собирался пойти туда вместе с ним.

Жун Цзянь был в ярости и решил разобраться с этим раз и навсегда.

В последующие дни он общался с Сюй Яо и узнал от него много информации, постепенно складывая картину.

Например, что вдовствующая императрица не считала его важным и уже отправила людей в Шаньхэ, чтобы привести нескольких двоюродных братьев.

Сюй Яо почувствовал угрозу и попросил вдовствующую императрицу разрешить ему также учиться, что и привело к текущей ситуации.

Жун Цзянь с головной болью думал, что вдовствующая императрица никак не успокоится, пользуясь последствиями дела о бешеной лошади, она только хотела добиться своего одним махом.

Но это было невозможно.

Двадцать первое октября, ясный день, солнечный свет был прекрасен, Жун Цзянь назначил встречу с Сюй Яо в Саду Неумелости.

Сад Неумелости был очень красивым, и не только наложницы, но даже император любил прогуливаться по нему, но Жун Цзянь, из-за занятости учебой, впервые с момента своего прибытия сюда посетил этот сад, находящийся далеко от Дворца Чанлэ.

Жун Цзянь приказал приготовить изысканные блюда и вино, устроив пир на открытой террасе у озера, под которой были сложены искусственные камни.

Поднимаясь по ступеням, он почувствовал, как ветер дует ему в лицо, и увидел Сюй Яо, сидящего в беседке.

*

В тот день у Мин Е был выходной, он вышел из дворца, и дел было много.

По словам Чжоу Чжаоцина, управляющий уже прибыл в столицу. Но управляющий еще не появился, и первым делом было проверить счета.

В Шанцзине, Шоулине и Фэньчуане было несколько сотен магазинов торгового дома Ваньлай, управляемых восьмью крупными управляющими. Финансовые отчеты отправлялись каждые три месяца, но главные книги не могли быть просто отправлены, так как, если бы они потерялись в пути, это стало бы большой проблемой. Поэтому каждый раз, когда управляющий приезжал, первым делом он проверял счета.

Управляющие в Шанцзине знали, что помимо управляющего, в столице был еще один человек, но его личность держалась в секрете, обычно он говорил только через занавеску, и редко появлялся, но он владел ключами от всех хранилищ торгового дома в трех регионах.

Все называли его «вторым управляющим», и это «второй» было относительно единственного настоящего управляющего.

Поэтому сегодня Мин Е пришел, чтобы получить отчеты от управляющих.

Чжоу Чжаоцин был единственным из управляющих, кто знал настоящее имя и внешность Мин Е, он пришел рано, отодвинул занавеску, Мин Е уже сидел у окна и пил чай, и он тоже сел рядом.

Он взглянул на Мин Е с легким недоумением:

— Сегодня не так холодно, зачем вам такой толстый плащ?

Мин Е, опустив глаза, не ответил.

Чжоу Чжаоцин был удивлен, он был очень наблюдательным и сразу заметил:

— Это работа дворцовых мастеров, откуда у вас это? Если хотите носить, у нас в торговом доме есть вещи, не хуже дворцовых, вы же не любите такие вещи?

Мин Е пил горячий чай, но его выражение становилось все холоднее.

Чжоу Чжаоцин, не замечая этого, хлопнул себя по бедру:

— Все бы ничего, но эти бусины, кто их пришил, такая неумелая работа, просто испортила плащ. Дайте мне, я попрошу вышивальщицу...

Мин Е поставил чашку, повернулся, его лицо выделялось на фоне серо-белого воротника, а красные камни блестели холодным светом.

Он прищурился, казалось, его настроение было крайне плохим:

— Замолчи.

Чжоу Чжаоцин лучше всех умел читать выражения лиц, поэтому сразу замолчал, не говоря ни слова.

Сегодня он был здесь, чтобы помогать, те управляющие, что были снаружи, не знали настоящей личности Мин Е и не могли с ним встречаться, он отвечал за передачу отчетов, проверку их подлинности и другие мелочи.

Настоящий управляющий, а стал личным слугой Мин Е. Чжоу Чжаоцин относился к этому спокойно, этот уединенный дом был его собственностью, слуги тоже были его людьми, и он заранее приказал купить сладости из лавки Цинъифан, поставив их на стол, пил чай, ел сладости и ждал людей.

Сегодня пришли важные гости, а за занавеской в беседке был самый важный из них, горел лучший уголь, в комнате было тепло, как весной, Мин Е снял плащ и положил его на другой конец стола, красные камни лежали на меховом воротнике, и Чжоу Чжаоцин невольно взглянул на них.

Через некоторое время управляющие принесли отчеты.

Отчеты также были доставлены на стол Мин Е, те управляющие, что обычно были такими важными, теперь осторожно и дрожа докладывали, боясь, что второй управляющий найдет какие-то ошибки.

Чжоу Чжаоцин, как особый управляющий, не проходил через это, он просто наблюдал за происходящим.

Мин Е проверял отчеты не так, как другие, сначала открывал отчет, просматривал данные за месяц, а потом больше не смотрел, а просил управляющих докладывать. Когда он слышал что-то неправильное, сразу указывал на это, открывая нужную страницу, и заставлял управляющего соглашаться.

Чжоу Чжаоцин слушал внимательно и был удивлен, что Мин Е не ошибся ни на йоту.

Последний раз отчеты проверяли полгода назад, и тогда Мин Е еще не делал так. Неожиданно, всего за несколько месяцев, он стал таким опытным.

Возможно, из-за скуки от отчетов, Мин Е достал кое-что еще.

Это были напильник и ракушки.

Ракушки были тщательно отобраны, их форма и размер были подходящими, после небольшой обработки они выглядели очень красиво и могли быть использованы как украшения для женских шпилек.

Но Мин Е сделал их очень тонкими и маленькими, и непонятно, для чего они были нужны.

Так как это была проверка главных отчетов, а не деталей, если не было крупных ошибок или несоответствий, их не углублялись, поэтому проверка прошла быстро.

Но когда он закончил с тремя отчетами, было уже за полдень.

У Мин Е было мало времени, он не мог часто выходить из дворца, поэтому в обед тоже не отдыхал, а продолжал с другим человеком.

Чжоу Чжаоцин устал от сладкого, но при таком количестве людей он не мог заказать еду, поэтому просто попросил купить соленые сладости из лавки Таохуалоу, ел их и убивал время, даже спросил Мин Е, не хочет ли он, но получил отказ и добавил, чтобы он не уронил сладости на отчеты.

Отчеты этого человека были слишком нечеткими, многое было неясно, в первые два месяца Мин Е еще указывал на ошибки, но потом просто перестал говорить, позволяя управляющему продолжать.

Чжоу Чжаоцин, глядя на спокойное выражение лица Мин Е, не мог понять, что он собирается делать с этим управляющим.

Когда он начал общаться с Мин Е, тому было всего шестнадцать, и он даже не мог понять мысли подростка, а теперь и подавно не мог угадать.

Вдруг раздался звук из скрытой двери на другой стороне беседки, кто-то поднимался по лестнице.

Это был шпион.

Чжоу Чжаоцин ведет себя так: наступает на мину, наступает, продолжает наступать, бах, мина взрывается.

Внутренний монолог: Э? Что случилось? Я же ничего не сделал!

Сюй Гуанцзун может готовиться к уходу со сцены (.

Спасибо за чтение, комментарии и 20 розыгрышей! Спокойной ночи, целую!

<http://bllate.org/book/16310/1471560>